

СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ

МАРИНА САПРОНОВА
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Одним из итогов революций на Ближнем Востоке и в Северной Африке стало формирование новой правовой базы, призванной, как предполагалось, закрепить итоги «арабского пробуждения» и обозначить новые направления в развитии местных обществ в экономической, социальной и политической сферах. Однако конституционная реформа оказалась затруднена ввиду отсутствия в традиционных политических системах гражданского общества и социального консенсуса, а последовавшие за ней выборы носили неоднозначный характер и выявили четкое противостояние между светскими и исламскими силами, при этом принятие нового законодательства не гарантировало внутривнутриполитическую стабильность. События 2011–2014 годов продемонстрировали хрупкость установившегося постреволюционного баланса сил и пределы политической консолидации общества, которая может быть в любой момент ослаблена.

В статье рассматривается процесс восстановления конституционных институтов и формирование новых органов государственной власти в арабских странах после 2011 года. Проводится анализ новых основных законов и избирательного законодательства, анализируются итоги парламентских и президентских выборов с точки зрения их влияния на динамику региональной ситуации.

Ключевые слова:

Арабские страны; конституционная реформа; избирательное законодательство; государственные институты; Египет; Тунис; Ливия; Сирия; Алжир; Марокко.

События 2011 г. в арабских странах (о которых уже написано немало)¹ поставили на повестку дня вопрос о конституционной реформе, модернизации политического процесса, избирательного права и процедур в государствах, затронутых общественными волнениями и переживших смену власти. В связи с пристальным международным вниманием к социально-политическим выступлениям на Ближнем Востоке и в Северной Африке, с ними были связаны существенные, во многом противоречивые ожидания. В то время как ряд западных наблюдателей интерпретировали проходившие протесты как «демократическую революцию» и пролог к утвержде-

нию в государствах региона либеральных ценностей [Lynch 2011], в отечественном экспертном дискурсе звучали опасения относительно перспектив укрепления радикально-исламистских сил и превращения их в опорную базу международного экстремизма [Зинин 2012: 295].

Реальная практика трансформации арабских стран с 2011 г. ставит под сомнение как чересчур оптимистичные прогнозы, так и апокалиптические опасения относительно их политического развития. Эта реальная практика в гораздо большей степени диктуется исторически устоявшимися траекториями эволюции местных обществ, чем предполагали многие внешние

¹См., например, фундаментальную работу, изданную Институтом востоковедения РАН в 2012 г. с участием ведущих российских ученых и экспертов, включая Е.М.Примакова [Наушкин и др. 2012].

наблюдатели, поддаваясь пылу революционной риторики.

Хотя в ряде стран исламистским силам удалось войти в легальное политическое поле, в большинстве случаев они не смогли добиться устойчивого контроля над государственной властью, трансформации политических систем, изменения правовых норм в соответствии со своей программой. Одновременно и надежды на скорую стабилизацию прозападных либеральных режимов также явно не оправдались. Преобразования в арабских странах носили гораздо более противоречивый и многогранный характер. Существенную роль в их протекании играют представители силовых структур, которых сложно отнести как к адептам демократии, так и к сторонникам повышения роли ислама.

Несмотря на наличие общих черт, каждое государство, пережившее общественно-политические потрясения, в дальнейшем двигалось в соответствии с собственной логикой развития. В *Egypte* раньше других стран начался процесс восстановления конституционных институтов. Его гарантом выступила армия, не сумевшая, однако, найти новые формы, которые бы соответствовали потребностям сложного египетского общества. Это вынудило ее пойти по пути укрепления собственных позиций (о чем свидетельствуют соответствующие статьи конституции 2014 года) для обеспечения внутривластной безопасности.

В *Tunisie* в результате политического компромисса между различными политическими группами, прежде всего между светскими и исламскими партиями, демократические устремления общественности нашли отражение в новой конституции и законодательстве, однако обезопасить себя от угроз и действий террористов страна не смогла². В итоге 4 июля 2015 г. власти Туниса вновь ввели в стране чрезвычайное положение (до этого отмененное в марте 2014 года), что привело к усилению позиций полиции и военных.

На ситуацию в Тунисе серьезно влияют процессы, происходящие в *Ливии*, где восстановление государственных институтов по натовскому сценарию пробуксовывает. В обществе сохраняется разобщенность и отсутствует согласие относительно будущего политического устройства, хотя в стране была создана Конституционная ассамблея для разработки Основного закона, а в 2014 г. избран Совет представителей.

В стране по-прежнему продолжают боевые действия. Отряды бывшего генерала ливийской армии Халифа Хафтара (которого сравнивают с его египетским коллегой ас-Сиси) сражаются с другими вооруженными группировками (ливийскими Братьев-мусульман, ополченцев отдельных племен, джихадистов аль-Каиды), общая численность которых превышает полторы тысячи. Весной этого года Х.Хафтару, назначенному Советом представителей верховным главнокомандующим страны, удалось освободить от исламистов значительную часть восточных провинций. Между тем Триполи по-прежнему находится под контролем исламистских группировок, объединенных в коалицию «Рассвет Ливии».

В *Сирии* еще в 2012 г. прошел референдум о принятии новой конституции и были организованы президентские выборы на альтернативной основе (впервые с 1963 года). Предложенный сирийским президентом национальный диалог, способный вовлечь различные политические силы, мог стать шагом на пути к национальному примирению. Вместе с тем внешние силы продолжали серьезно дестабилизировать внутреннюю ситуацию. До настоящего времени в Сирии продолжается борьба с террористическими группировками, представленными «Исламским государством» и другими структурами, получающими активную поддержку извне.

Алжиру и Марокко, несмотря на проходившие в 2011 г. массовые митинги и де-

² В марте 2015 г. террористы захватили заложников в музее Бардо, в июне – расстреляли иностранных туристов в курортном городе Сус.

монстрации, удалось избежать государственных потрясений отчасти благодаря оперативной реакции правящей элиты, инициировавшей конституционную реформу и либерализацию политических институтов.

В этой связи встает вопрос о действенности новых государственных структур в «постреволюционных» арабских странах и результативности начавшихся в 2011 г. политических трансформаций. Значимость такого анализа тем более возрастает, что, как отмечает Л. Корольков «ведущим мировым державам приходится в большей степени, чем обычно, учитывать и прислушиваться к местным центрам силы» [Корольков 2015]. Ведь для становления устойчивой региональной системы необходимо формирование жизнеспособных государств с прочными институтами, способными разрешать внутренние противоречия и противостоять как внутренним, так и внешним вызовам и угрозам.

1

Одним из итогов революций на Ближнем Востоке и в Северной Африке стало формирование новой правовой базы, призванной закрепить итоги «арабского пробуждения» и обозначить новые направления развития арабского общества в экономической, социальной и политической сферах. Именно на это и были направлены конституционные реформы, проводившиеся в 2012–2014 годах.

Политико-правовая система любой страны находится в тесном взаимодействии и взаимовлиянии со многими общественными явлениями. Среди движущих сил, участвующих в формировании правовых основ общественной жизни, первостепенное значение имеет историческая преемственность. Она зачастую проявляется не столько в формальной организации политических институтов, сколько в их сущностном содержании.

Для *Egypta* такой исторической традицией стало ошутимое влияние армии на политическую жизнь. После избрания нового президента М. Мурси и принятия «исламистской» конституции складывалось впечатление, что эта политическая сила ушла в тень. Однако обновленный Основной закон, утвержденный уже в 2014 году, вернул военным их традиционные функции в жизни страны. Новая конституция, в которой армии посвящен целый раздел, не просто расширяет их полномочия, но делает их ведомство фактически автономным институтом внутри государства. В соответствии с ней армия будет иметь собственный бюджет, не подконтрольный гражданским властям. Ст. 204 Основного закона учреждает Военную юстицию, осуществляющую судопроизводство по преступлениям, относящимся к вооруженным силам. Вместе с тем она предполагает, что судебному преследованию могут быть подвергнуты и гражданские лица, если их действия представляют прямую угрозу военным учреждениям и их деятельности.

Более того, в соответствии с новой конституцией, создается Высший совет вооруженных сил, деятельность и полномочия которого будут регулироваться специальным законом. Данный орган становится конституционным (прецедент для права арабских стран), а его полномочия охватывают не только деятельность вооруженных сил, но и политический процесс³.

Относительно конституционного закрепления роли ислама (вопрос, вызвавший наибольшее возмущение египтян в предыдущей «исламистской» конституции) следует констатировать, что в Основном законе 2014 г. статья о шариате как основном источнике законодательства вернулась в документ в том виде, в котором она была в конституции 1971 года. Однако было введено еще одно положение (ст. 3), которое выводит из-под юрисдикции шариата хри-

³ В соответствии со статьей 234 Министр обороны может быть назначен только с одобрения Высшего совета вооруженных сил в течение двух президентских сроков (то есть 8 лет) с момента вступления конституции в силу. Таким образом, данная структура уже принимает реальное участие не только в политической жизни, но и в государственном строительстве.

стианские и иудейские общины в вопросах личного статуса, предоставляя им право решать спорные вопросы в соответствии с собственными законами.

Обозначая предельно широкий круг прав и свобод граждан, конституция Египта, как и раньше, не закрепляет приоритет норм международного права (хотя преамбула гарантирует соответствие системы прав и свобод граждан Всеобщей декларации прав человека), а также не фиксирует фундаментального права человека – права на жизнь. Таким образом, Египет не связывает себя юридическими обязательствами перед международным сообществом в этой области. Главным источником законодательства провозглашается принцип «шуры» (основной принцип мусульманского права), который рассматривается как базовый элемент исламской демократии (предполагающий, что правитель должен консультироваться по всем вопросам, связанным с управлением государством, с наиболее выдающимися членами уммы).

В развитии политической системы в *Сирии* прослеживается влияние схожей политической традиции. В этой стране армия также остается весомым политическим игроком, а президент страны и правящая партия, несмотря на ее отказ от монополии в политической жизни, продолжают доминировать. Новая конституция 2012 г. официально закрепила многопартийную систему, изменила порядок избрания главы государства, исключила все статьи, характеризующую Сирию как социалистическое государство. При этом основной закон по-прежнему предоставляет руководителю страны значительные полномочия в различных областях.

Конституция *Туниса* 2014 года, закрепила итоги национального диалога, также подготовлена с учетом ценностей, утвердившихся в стране еще до политических выступлений. Несмотря на попытки исламистских кругов повысить роль религии в государстве, повлиять на законодательную базу им так и не удалось. Тунис остался верен своим секулярным традициям, ша-

риат не стал источником законодательства. Более того, страна еще раз подтвердила свою роль флагмана арабского мира в вопросах защиты прав женщин, подняв их на конституционный уровень. Государство гарантирует защиту, поддержку и дальнейшее развитие «достигнутых женщинами прав», равное представительство в избираемых органах власти (ст. 45 Конституции), а также «принимает все необходимые меры» с тем, чтобы исключить насилие в отношении женщин.

Тунис становится одним из немногих арабских государств, которое закрепляет приоритет международных договоров, одобренных и ратифицированных Палатой депутатов, над внутренним законодательством (ст. 19). Впервые появилась статья о партиях, в соответствии с которой гарантируется свобода образования политических объединений. При этом нет запрета на деятельность партий, организованных по конфессиональному принципу. В основном законе отмечается лишь, что в своих уставах и деятельности они «должны соблюдать конституцию и законы, отвергать насилие», а их финансовая деятельность должна оставаться прозрачной.

Ключевой вопрос, стоявший на повестке конституционной реформы в Тунисе, – система правления и соотношение исполнительной и законодательной власти, а именно – принципиальный выбор между парламентской и президентской формами правления (до сих пор в арабском мире оставалось всего две парламентские республики – Ливан и Ирак). Он стал главным предметом политических дебатов, так как наметились четкие разногласия между основными политическими силами. Исламская ан-Нахда выступала за парламентскую систему правления и ограничение исполнительной власти в пользу законодательной. Большинство светских партий, напротив, поддерживали президентскую форму правления. Вопрос был решен в пользу смешанной республики, в которой исполнительная власть делится между избираемым президентом и премьер-министром, назначаемым парламентом.

Положения новой конституции Туниса позволяют сделать вывод о том, что страна, которая в течение многих десятилетий представляла собой суперпрезидентскую республику, переживает трансформацию с существенным перераспределением полномочий в пользу законодательной власти и правительства. При этом правовой статус личности непосредственно не связан с конституционным закреплением курса государства на внедрение в повседневную жизнь исламских норм, напротив, конституция расширяет юридические рамки для реализации демократических прав и свобод граждан.

В *Алжире* в 2011 г. исламисты не смогли выступить в качестве координирующей силы антиправительственных выступлений. Ранее, с приходом к власти президента А. Бутефлики в стране, с одной стороны, проводилась целенаправленная политика дискредитации исламистского движения, с другой - умеренных исламистов допустили к парламентским выборам, отобрав у них инструменты нелегальной политики и не позволяя апеллировать к тем же лозунгам, которыми пользовались исламисты в Тунисе и Египте. Рамки многопартийной системы страны четко были очерчены конституцией 1996 года⁴, принятие которой стало важным этапом на пути реализации новой концепции политической системы страны. Наряду с определением поля деятельности политических сил и государственных институтов, была легализована основная установка руководства страны – создание государственного механизма, способного противостоять и активно противодействовать возможному попыткам дестабилизации. Реализации этой цели служило и избирательное законодательство страны, которое неоднократно

но модифицировалось с целью не допустить в парламент представителей радикальных исламских партий.

Новая конституция *Марокко* была принята в июле 2011 г. и должна была, по словам короля, укрепить основы «конституционной, демократической, парламентской и социальной монархии». Быстрое и безболезненное проведение реформы в стране стало возможным, в том числе и потому, что в ее основном законе уже был заложен механизм конституционной трансформации. Марокко с момента достижения политической независимости в 1956 г. шло по пути эволюционного преобразования монархии. В ходе него вырабатывалась юридическая основа, позволяющая соблюдать баланс между различными ветвями власти, а само королевство приблизилось к государствам с парламентской формой правления, хотя и со значимой ролью главы государства. Развитию этого процесса способствовала историческая традиция парламентской борьбы политических и этнических сил.

Часть законодательных полномочий короля в результате конституционной реформы была передана главе правительства, однако монарх сохранил за собой «незыблемые» полномочия, которые не могут быть подвержены дальнейшим изменениям. В соответствии с новым Основным законом, страна впервые закрепляет приоритет норм международного права над внутренним законодательством и существенно расширяет права и свободы подданных, а также конституционный статус политических партий, профсоюзов, организаций и групп гражданского общества за счет введения ряда статей по каждой из этих категорий. Важным изменением стало и то, что на должность премьер-министра ко-

⁴ Конституция Алжира 1996 года запрещала создавать политические партии на религиозной, языковой, расовой, гендерной, корпоративной или региональной основе. Кроме того, политические партии не могли прибегать к пропаганде, затрагивая «основные свободы и ценности алжирского народа, национальное единство, безопасность и территориальную целостность, независимость страны и суверенитет народа, а также демократический и республиканский характер государства». Ни одна партия не может прибегать к насилию или принудительным акциям для достижения политических целей. Кроме того, конституция сформировала образ «демократического» Алжира, строящего правовое государство.

роль теперь должен назначать представитель победившей партии. Одновременно усиливается парламентский контроль над деятельностью правительства.

Таким образом, несмотря на различия в политическом процессе отдельных арабских странах, характерной особенностью конституций, принятых после событий 2011 года, стало расширение системы прав и свобод граждан как в социально-экономической, так и политической областях. Впервые были закреплены новые виды прав, такие, например, как право на воду. На конституционный уровень была поднята борьба с коррупцией, государства провозглашают приверженность борьбе с терроризмом. Другая характерная черта новых конституций — перераспределение полномочий в пользу законодательного органа власти и повышение статуса судебной власти.

Конституционные положения были призваны подчеркнуть курс арабских стран на дальнейшую либерализацию общественно-политического процесса. Однако стабильность демократического перехода связана не только с принятием либерального основного закона, но и, как отмечает А.Н. Медушевский, «с созданием системы гарантий от возврата назад (к предшествующей авторитарной модели)», что предполагает, прежде всего, «создание и постоянное воспроизведение на основании конституции того социального консенсуса, которого не было до ее принятия» [Медушевский 2005: 9].

Основной закон государства — документ длительного действия, поэтому он должен отражать не буквальные итоги, а неизменные политические принципы и механизмы осуществления государственной власти, являясь плодом усилий всего общества, символом общенационального согласия. Это означает, что процедура его принятия должна быть неоспоримой, к началу конституционного процесса все политические

проблемы должны быть решены, а общество должно прийти к консенсусу.

Такого консенсуса в арабском обществе нет. Оно во многом остается традиционным: «... не структурировано в социальном плане, мозаично, несет в себе черты клановости, этнических, конфессиональных, племенных связей»⁵. Следовательно, пришедшая к власти правящая элита, представляющая светские или исламские круги, вынуждена будет укреплять свои позиции любыми доступными способами.

2

Специфика политических систем стран арабского региона исторически заключалась в том, что они были призваны обеспечивать доминирование главы государства, а институты народного представительства были предназначены только для осуществления контролируемой сверху процедуры принятия законов. Правящие элиты посредством избирательных законов, законов о СМИ, о политических партиях и объединениях обеспечивали непоколебимость монополии единственной партии, подконтрольной главе государства. Несмотря на присутствие в арабских странах множества политических объединений, механизм управления сохранял преимущественно однопартийный характер: центральные и местные органы государственной власти и муниципального управления контролировались правящими группировками.

Такое положение дел обеспечивало максимальную устойчивость режимов, консолидацию вокруг них пропрезидентских сил и бесперебойную работу механизмов принятия политических решений. Так, в Тунисе многопартийная система существовала уже с 1987 года, однако доминирующее положение в стране принадлежало Демократическому конституционному объединению (ДКО) во главе с самим президентом.

Новые избирательные законы, принятые после 2011 года, так же, как и консти-

⁵ Долгов Б.В. Между демократией и исламизмом: политическое развитие арабского мира / Перспективы // http://www.perspectivy.info/history/mezhdu_demokratijej_i_islamizmom_politicheskoe_razvitije_arabskogo_mira_2009-03-30.htm

туции, стали гораздо более демократичнее предыдущих. Впрочем, механизм реализации волеизъявления народа во многом сохранил прежние черты.

Избирательный закон *Egyptha*, принятый накануне парламентских выборов 2011 года, ввел крайне низкий проходной барьер (0,5%) с целью дробления сформировавшихся к этому времени политических коалиций. Крупнейшими объединениями на тот момент были Демократический альянс Египта (ДАЕ), возглавляемый политическим крылом ассоциации Братья-мусульмане – Партия свободы и справедливости (ПСС), и Исламский альянс, возглавляемый салафитской партией ан-Нур. После принятия избирательного закона, многие партии стали выходить из коалиций и создавать собственные предвыборные блоки. Кроме того, внутри крупных коалиций, претендовавших на победу, обострилась борьба за формирование предвыборных списков.

В соответствии с египетским законом о президентских выборах 2014 года, все решения Избирательной комиссии до и после голосования считаются окончательными и не могут быть обжалованы. Таким образом, кандидат на президентский пост, который был дисквалифицирован комиссией, не имеет возможности оспорить это решение в судебном порядке, равно как и добиться пересмотра нарушений в ходе процедуры голосования. Итоги выборов (даже если они сфальсифицированы) также не подлежат судебной оценке (при этом ст. 97 новой конституции Египта гарантирует право «всем гражданам на судебное разбирательство» и запрещает осуществлять «любые действия или принимать административные решения вне судебного надзора»).

Критике со стороны общественности подверглось еще одно положение египетского избирательного закона, которое предусматривает, что электоральная кампания начинается за 30 дней и заканчивается за 2 дня до дня голосования. Таким образом, для агитации и пропаганды своих политических взглядов и программ (вклю-

чая печатание листовок и плакатов, сбор средств, организацию встреч, выступления в СМИ и проведение другой предвыборной деятельности, предусмотренной законодательно), а также для мобилизации сторонников у кандидатов очень мало времени. Все мероприятия, проводимые ранее указанного срока, египетские власти могут быстро пресекать в соответствии с законом о массовых мероприятиях и собраниях.

Более того, команды кандидатов теперь не могут следить за ходом всего голосования, так как в соответствии с законом, имеют доступ только к основным избирательным участкам (ранее команды кандидатов могли получить копии результатов голосования во всех участках).

Основные нововведения избирательного закона *Алжира*, принятого накануне парламентских выборов 2012 года, касались тех гарантий, которые предоставлялись избирателям на всех этапах электоральной кампании, включая обеспечение избирательных участков прозрачными урнами для голосования и наблюдение за ходом избирательных операций. Новшеством стало создание двух комиссий, которые должны были выполнять функции наблюдателей на выборах. Между тем единой независимой избирательной комиссией в Алжире нет, а министерство внутренних дел по-прежнему несет основную ответственность за организацию электорального процесса. В частности, министр внутренних дел (в силу чрезвычайных обстоятельств) может уполномочить губернаторов продлить или сократить часы голосования в отдельных районах. Политические партии Алжира регистрируются также в министерстве внутренних дел.

Избирательный закон *Туниса* 2014 г. предусматривает, что избирательный список, который получает менее 3% голосов и не попадает в парламент, должен вернуть государству полностью всю полученную от него сумму на избирательную кампанию, что, естественно, становится затруднением для мелких партий.

Сирийский парламент 16 марта 2014 г. одобрил проект постановления о всеобщих президентских выборах в стране, при-

дав ему форму государственного закона. Согласно документу, сирийские беженцы и представители внешней сирийской оппозиции фактически лишались права голоса. При голосовании за рубежом, по новому сирийскому закону, гражданин должен иметь действующий национальный паспорт, в нем должна стоять отметка официального сирийского пограничного пункта о легальном пересечении границы, а также штамп сирийского дипломатического представительства в стране, где в настоящий момент он находится. В условиях непрекращающихся боевых действий подавляющее большинство беженцев пересекали границу без всяких отметок в документах, минуя любые КПП. Таким образом, почти пяти миллионам сирийцев, находящимся в соседних государствах (прежде всего в Турции, Ираке, Иордании) было отказано в праве участия в выборах главы государства.

Избирательная кампания в Сирии проходила под контролем Высшего судебного комитета по выборам (ВСКВ), члены которого, после одобрения сирийским парламентом, утверждались президентом страны. В электоральном процессе органы исполнительной власти участвуют активно и напрямую. Так, статьи нового закона о выборах разрешают министру внутренних дел и министру по делам местной администрации передавать сотрудников своих ведомств для работы под руководством избирательных комиссий на весь период кампании.

Избирательный закон, принятый в Ливии в январе 2012 году, интересен не только своим содержанием, но прежде всего тем, что документ подобного рода впервые был разработан в стране, где несколько десятилетий существовала особая форма правления — «джамахирийское народовластие», а статус главы государства был деинституционализирован. Ливийские граждане впервые должны были участвовать в выборах представительного и законодательного

органа государственной власти, который характеризовался «Зеленой книгой» как «фальсификация демократии», поскольку демократия, в соответствии с «Третьей мировой теорией» означала «власть самого народа, а не власть тех, кто выступает от его имени» [Кадафи 1989: 21].

Существенной проблемой было то, что в Ливии к моменту принятия избирательного закона отсутствовало юридическое регулирование деятельности политических партий (соответствующий закон не был даже разработан), которые должны были участвовать в электоральных кампаниях. Более того, ливийский закон 1972 г. объявлял формирование партий «уголовным преступлением».

Особенностью нового избирательного закона⁶ стал запрет большой группе населения участвовать в выборах. Он предъявлял очень жесткие требования к кандидатам в депутаты, а также указывал категорию граждан (в основном тех, кто занимал какие-либо позиции в джамахирийских структурах — народных конгрессах), кто не мог больше баллотироваться. При этом документ не устанавливал требований к кандидатам продемонстрировать минимальный уровень поддержки населения, равно как и отсутствовали критерии для формирования избирательных округов, процедуры голосования, судебного контроля. Было очевидно стремление законодателя очертить жесткие рамки будущего политического пространства, в котором вряд ли возможно сосуществование различных политических течений и взглядов, этноконфессиональных и клановых интересов.

З

При всем многообразии тенденций политического развития в постреволюционных странах большую роль в этом процессе сыграли выборы (как парламентские, так и президентские), которые проводились в период 2011–2014 годов в новых политико-

⁶ Анализ данного закона см.: М.А.Сапронова. Избирательный закон Ливии: от прямой демократии «Революции 1 сентября» к представительной демократии «Революции 17 февраля» // <http://www.imes.ru/?p=14233#more-14233>

правовых условиях. Выборы представляют собой барометром политической жизни, отражающим столкновение интересов различных политических сил, противоборствующих взглядов и платформ, выразителями которых являются партии и иные политические объединения. Они также легитимизируют власть и осуществляют селекционную функцию, которая включает в себя механизмы отбора и замены одних политических деятелей другими, определения наиболее привлекательных политических программ. Практика арабских стран показала, что конечные результаты выборов могут серьезно обострить внутреннюю обстановку и вызвать системный кризис государственно-правовых институтов. Итоги отдельных кампаний в них оказались неожиданными, продемонстрировав не только волю народа, но и специфику избирательных систем.

Несмотря на образование большого числа новых политических партий, основная борьба развернулась между исламскими и светскими силами, зачастую пользующимися равной поддержки со стороны населения, что еще раз подтвердило отсутствие в странах консенсуса относительно путей дальнейшего развития. События 2011–2014 годов продемонстрировали хрупкость установившегося постреволюционного баланса сил и пределы политической консолидации общества.

Послереволюционные выборы в *Egunte* в конце 2011 г. показали, что большинство избирателей высказались в пользу религиозного традиционализма, связывая именно с ним представления о социальной справедливости, национальном достоинстве, а также надежды на лучшую жизнь. По их итогам убедительную победу одержала Партия свободы и справедливости (ПСС), получив 230 из 498 мест в парламенте. Ее лидер стал спикером законодательного органа. Салафитская партия ан-Нур (Свет) заняла второе место, обеспечив себе в общей сложности 120 мандатов. В целом исламские партии завоевали 3/4 парламентских мест, и именно они должны были определять дальнейший путь развития

страны и создавать ее законы, включая новую конституцию.

Триумф исламистов на выборах, позволивший им поставить под свой контроль законодательную власть, мало что изменил в общей расстановке политических сил. Реальные рычаги власти по-прежнему оставались в руках армии, которая начала адаптироваться к новой ситуации. Между тем временные рамки переходного периода и последовательность введения демократических процедур не были четко определены.

К середине 2012 г. стало очевидно, что конституционный процесс зашел в тупик и дискуссия вокруг состава Конституционной ассамблеи полностью расколола египетское общество. В этих условиях временный орган государственной власти – Высший совет вооруженных сил – обратился к судебным рычагам, переведя политическую борьбу в юридическое поле. Административный суд Каира принял решение о роспуске комитета, который должен был разработать основной закон, на том основании, что его состав не отражает социально-политическое разнообразие египетского общества.

В результате, по итогам президентских выборов, состоявшихся в мае 2012 года, страна получила президента, но без конституционных полномочий. Между тем, контролируя законодательную и исполнительную власть, исламисты намеревались написать основной закон «под себя». Египет вступил в полосу юридической неразберихи и фактического двоевластия, когда право на законодательную инициативу оспаривали между собой две власти: Высший совет вооруженных сил (внеконституционный орган), еще не сложивший с себя полномочий, и новый президент (полномочия которого не были определены).

Напряжение в отношениях между военными и исламистами усиливалось – второй тур президентских выборов состоялся только после того, как Высший конституционный суд постановил, что парламент должен быть немедленно распущен. При этом до выборов нового законодательного органа генералитет оставлял законодатель-

ную власть за собой. Действия армии вызвали новый всплеск массовых протестов с обвинениями ее в «мягком перевороте» против «революции», в попытках затянуть переходный период.

Тем не менее все дальнейшие действия главы государства М. Мурси по укреплению своей власти стали вызывать стойкую неприязнь у большинства населения. Они спровоцировали раскол и в самом движении Братьев-мусульман. Принятие в декабре 2012 г. новой конституции подстегнуло новую волну массовых протестов в Египте, которые назвали «второй революцией», ставшей итогом длительного идеологического раскола в обществе.

Следующий президент Египта Абдель Фаттах ас-Сиси был избран в мае 2014 г. на основе нового избирательного закона, который ставил кандидатов на президентский пост в жесткие рамки. Создаваемая юридическая база серьезно ограничила возможности выдвижения кандидатов и процедуру оспаривания результатов голосования и фактически давала шанс победить на выборах только одному претенденту.

На выборах в Учредительное собрание Туниса (в октябре 2011 года) победу одержала исламская партия ан-Нахда, занявшая 89 мест из 217. При этом ее программа предусматривала построение демократического общества с парламентской формой правления, многопартийностью, открытой рыночной экономикой и полным соблюдением гражданских прав, но при сохранении традиционных исламских ценностей. Светским партиям не удалось создать единый предвыборный блок, и они перешли в оппозицию, а уже в декабре 2011 г. начались выступления против угрозы религиозного фундаментализма со стороны правящих сил. Выбрав исламскую партию как альтернативу коррумпированному светскому режиму, тунисцы ждали от нее экономического чуда, которое так и не произошло.

В течение 2012 г. активизировали свою деятельность радикальные группировки: исламисты атаковали посольство США; в деревне Седжнан салафиты провозгласили «исламский эмират». Им оппонировали светские круги: в конце 2012 г. часть депутатов тунисского парламента подписала коллективную петицию с требованием распустить движение ан-Нахда. В январе 2013 г. было совершено первое политическое убийство – был убит генеральный секретарь Демократической патриотической партии, который находился в оппозиции к исламистскому правительству и активно выступал за светское развитие Туниса. Это событие стало сигналом к массовым акциям протеста, направленным уже против тех, кого привела к власти революция. Масштабные выступления закончились роспуском правительства, сформированного исламистами.

Парламентские выборы прошли в Тунисе 26 октября 2014 года. Основными соперниками на них выступили старые конкуренты: ан-Нахда и светская партия «Призыв Туниса», одержавшая на этот раз победу. Последняя получила 86 мест в парламенте, ан-Нахда – 69, третье место занял Либеральный патриотический блок – 16 мест. Бывшие союзники ан-Нахды по коалиции растворились в числе более мелких партий, поделивших оставшиеся места. Президентом Туниса стал победивший на выборах лидер партии «Призыв Туниса» Беджи Каид ас-Себси.

В Ливии первые выборы⁷ прошли в июле 2012 года; победу на них, в отличие от Туниса, сразу одержала широкая коалиция либералов и центристов (Альянс национальных сил), при этом исламисты продолжали свое объединение и усиливали влияние в обществе. Они призвали парламент страны принять закон, запрещающий бывшим крупным чиновникам Каддафи занимать государственные посты, а в 2013 г. добились введения шарииата в качестве ос-

⁷ После свержения М. Каддафи власть перешла к Переходному национальному совету (ПНС), который должен был сложить свои полномочия в июне 2012 г. после выборов в Учредительное собрание Ливии, получившее название Всеобщий национальный конгресс (ВНК).

новы законодательства. В дальнейшем Конгресс разделился на два лагеря: секуляристов и сторонников исламского пути развития. Поиск консенсуса между ними осложнялся тем, что, с одной стороны, остатки клана Каддафи не переставали предпринимать попытки усилить разобщенность между племенами, с другой – приняв помощь сил НАТО, новый ливийский режим обрек себя на высокую степень зависимости от стран Запада в вопросах как внешней, так и внутренней политики (в первую очередь в нефтяном вопросе).

Данные противоречия отражались и на процессе формирования Конституционной ассамблеи, выборы в которую состоялись в феврале 2014 года. Из 60 членов этого органа были избраны только 47, при этом правительство не смогло обеспечить надлежащий уровень безопасности на избирательных участках и объявило о своей отставке.

25 июня 2014 г. в Ливии состоялись выборы в Совет представителей, который должен был заменить Всеобщий национальный конгресс, избрать новое правительство и одобрить конституцию. Большинство в новом органе власти также заняли представители светских партий, а исламисты получили только 30 мест. Не желая сдавать завоеванных позиций, они захватили ливийскую столицу – Триполи и создали альтернативное правительство, в результате чего избранные парламентарии были вынуждены бежать из столицы в город Тобрук (на расстоянии 1,6 тыс. км к востоку от Триполи). В результате в стране возникло двоевластие: с одной стороны – избранный парламент и премьер-министр Абдалла Абдурахман ат-Тани, с другой – утративший легитимность Всеобщий национальный конгресс и избранный им премьер-министр Амр аль-Хаси.

На парламентских выборах в Сирии, состоявшихся после принятия новой конституции в 2012 г. и впервые проходивших на многопартийной основе, победу одержала правящая Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ), заняв 134 места из 250 в Палате представителей. Президентские выборы, состоявшиеся в июне

2014 года, также принесли победу действующему главе государства – Башару Асаду, набравшему более 88% голосов избирателей. Выборы эти, однако, не содействовали мирному разрешению конфликта на фоне ухудшающегося социально-экономического и политического положения страны.

Парламентские выборы в Алжире, проходившие в мае 2012 года, также не принесли неожиданностей: они подтвердили политическую тенденцию, обозначившуюся после принятия новой конституции 1996 года: альянс проправительственных сил обеспечивал себе большинство мест в законодательном органе власти. В выборах 2012 г. смогли принять участие 17 новых политических партий, образованных и зарегистрированных в течение 2011 года. По итогам голосования победу завоевал Фронт национального освобождения (ФНО), получивший 221 место в 462-местной нижней палате парламента; второе место заняло Национально-демократическое объединение (НДО) – 70 мест; исламистский альянс Зеленый Алжир получил только 47 мест. Между тем лидеры последнего позиционируют себя как «системную оппозицию», и даже поддерживают президентскую программу развития страны.

Результаты голосования еще раз подтвердили, что Алжир перешагнул через «исламистскую угрозу», отдав предпочтение правящей коалиции. Очередное подтверждение этого положения было получено в апреле 2014 года, когда на новый четырехлетний срок был переизбран действующий глава государства Абдельазиз Бутефлика, набравший более 81% голосов избирателей.

Парламентские выборы, состоявшиеся в соседнем с Алжиром Марокко в ноябре 2011 года, напротив, принесли победу исламской Партии справедливости и развития (ПСР), занявшей 107 мест в Палате представителей. Председатель ПСР Абд аль-Илах бен Киран был назначен премьер-министром Марокко. Возглавляемая им политическая сила получила в сформированном после выборов правительстве более трети портфелей, включая ключевые посты мини-

стров иностранных дел, внутренних дел и юстиции. Между тем программа ПСР исламистского характера, в целом, не носит. Целью объединения было объявлено увеличение роста валового внутреннего продукта, проведение приватизации и снижение государственного вмешательства в экономику, понижение максимального уровня налогообложения с 30 до 25% и другие социально-экономические меры⁸.

В парламенте этой партии придется блокироваться с другими группировками, прежде всего с традиционной партией Истикляль, которая совместно со светскими партиями в состоянии не допустить принятия каких-либо законов, способствующих исламизации общественно-политической жизни страны.

* * *

Внутриполитическая стабильность не гарантирована принятием нового законодательства: в условиях разобщенности традиционного арабского общества сближение конституционных норм и существующей социальной реальности может растянуться на довольно длительный срок.

Наряду с шиито-суннитским противостоянием и серьезными политическими противоречиями в суннитском лагере, политическое развитие современного арабского мира определяет также внутренняя борьба двух проектов – фундаменталистского (исламистского) и либерально-демократического. Между тем в идеологическом пространстве ислама религиозно-традиционные нормы сосуществуют с представлениями реформаторскими и модернистскими, отражающими современные запросы самых разных социальных сил. Эта борьба двух тенденций ярко отразилась в конституционном и электоральном процессе постреволюционных арабских стран и процессе становления новых государственных институтов. Там, где еще в 1990-х годах в рамках государственно-правовой

системы был найден политический консенсус между идеологическими оппонентами (Алжир и Марокко), удалось избежать или минимизировать политические потрясения 2011 года. В тех же странах, где такого консенсуса нет, процесс стабилизации политической ситуации затягивается на долгие годы, и все усилия международного сообщества не приводят к ощутимым позитивным результатам.

В настоящее время арабо-мусульманский мир снова стоит перед выбором модели организации общественного устройства, которая связана с историко-цивилизационным фундаментом общества и господствующими в социуме культурно-идеологическими и религиозными установками, предопределяющими форму поведения различных социальных групп и модель их самоорганизации. Однако *самостоятельно ислам, не выработав четких нормативных представлений, связанных с вопросами государства, управления и взаимоотношений между государством и личностью, не отвечающая на вопрос о том, как законы шариата сочетаются с современными нормами западной демократии, предложить такую целостную модель не в состоянии.*

Приход к власти исламистов не тождествен созданию исламского государства, что демонстрирует политический процесс в арабских странах после 2011 года. Их победа зачастую приводит к размыванию самой идеи исламизма, демонстрирует зыбкость исламской политической конструкции. При этом в конкретной политической ситуации наибольшего успеха достигают те воинствующие религиозные организации, которые совсем не заботятся о идеологических тонкостях (что и демонстрирует деятельность «Исламского государства»). Арабское общество продолжает искать ответ на вопрос, что лучше – стабильность и безопасность в условиях авторитаризма или свобода и демократия в условиях хаоса.

⁸Подчероб А.Б. Марокко под властью исламистов // <http://www.iimes.ru/02.02.2012>

Список литературы

- Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? / Отв. ред-ры В.В.Наумкин, В.В.Попов, В.А.Кузнецов / ИВ РАН, Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова. – М.: ИВ РАН, 2012. – 593 с.
- Вавилов А.И. Страны Ближнего Востока: проблемы и перспективы развития. М., 2012. 152 с.
- Видясова М.Ф., Гасанбекова Т.И. Двуликий янус умеренного исламизма. М.: ИСАА МГУ, 2013. 140 с.
- Долгов Б.В. Между демократией и исламизмом: политическое развитие арабского мира / Перспективы // http://www.perspectivy.info/history/mezhdu_demokratijej_i_islamizmom_politicheskoe_razvitije_arabskogo_mira_2009-03-30.htm
- Зинин Ю.Н. «Арабская весна» в повестке дня экспертного сообщества России. // Вестник МГИМО Университета. 2012. №5. 293–299 с.
- Каддафи М. Зеленая книга. М.: Международные отношения, 1989. 159 с.
- Королюков Л. Меняющаяся геометрия ближневосточных раскладов // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 1. <http://www.intertrends.ru/fortieth/Korol%27kov.pdf>
- Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. 574 с.
- Подгорнова Н.П. «Арабская весна» в странах Магриба. М.: Институт Ближнего Востока, 2014. 80 с.
- Сапоронова М.А. Электоральный процесс после «арабской весны». М.: Институт Ближнего Востока, 2015. 196 с.
- Revolution in the Arab World: Tunisia, Egypt and the Unmaking of an Era. / ed. by M. Lynch, S.B. Glasser, B. Hounshell – Slate Group, 2011. 181 с.

EMERGENCE OF A NEW STATEHOOD IN THE ARAB WORLD

MARINA SAPRONOVA

MГИМО University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The Arab revolutions have resulted in the the development of the new legal basis intended to fix the results of the Arab spring and to designate new trends in the development of the Arab society in economic, social and political spheres. However, the constitutional reform faced some difficulties due to the absence of civil society and social consensus in traditional political systems in Arab countries. The elections that followed the reform were controversial and uncovered an obvious opposition between secular and Islamic forces. Considering that fact, adopting innovative legislation did not guarantee political stability inside the country. Political developments of the years 2011–2014 showed the fragility of the balance that was set after the revolution, as well as the limits of the political consolidation that might be overturned at any given moment. This article talks about the recovery of constitutional institutions and the implementation of new governmental authorities in Arab countries after 2011. The author reviews the new constitution and electoral legislation and analyses the Presidential and parliamentary elections in terms of their influence on the progress of regional situation.

Keywords:

Arab countries; constitutional reform; electoral legislation; state institutions; Egypt; Tunisia; Libya; Syria; Algeria; Morocco.

References

- Dolgov B. (2009) *Mezhdu demokratiej i islamizmom: politicheskoe razvitie arabskogo mira* [Among the democracy and Islamism: political development of the Arab world].

- URL: http://www.perspectivy.info/history/mezhdu_demokratijei_islamizmom_politicheskoje_razvitije_arabskogo_mira_2009-03-30.htm
- Gaddafi M. (1989). *Zelyenaya kniga* [Green Book]. M: Mezhdunarodnye otnosheniya. 159 p.
- Korolkov L. (2015). Menyayushayasya geometriya blizhevostochnih raskladov. . [Changing geometry of Middle East set-ups. International processes]. *Mezhdunarodnie protsessi*. Vol. 13. No. 1.
- Lynch M., Glasser S. B., Hounshell B. (ed.). (2011). *Revolution in the Arab World: Tunisia, Egypt and the Unmaking of an Era*. Slate Group. 181 p.
- Medushevskiy A. (2005). *Teoriya konstitutsionnih tsiklov* [Constitutional cycles theory], Moscow. 574 p.
- Naumkin V.V., Popov V.V., Kuznetsov V.A. (eds). (2012). *Blizhnij Vostok, Arabskoe probuzhdenie i Rossiya: chto dal'she?* [Middle East, Arab Awakening and Russia: what's next?]. M.: IV RAN. 593 p.
- Podgornova N. (2014) "Arabskaya vesna" v stranah Magriba ["Arab Spring" in the Maghreb Countries], Moscow. 80 p.
- Sapronova M. (2015). *Elektoralniy protsess posle "arabskoy vesni"* [Electoral process after "Arab Spring"], Moscow. 196 p.
- Vavilov A. (2012) *Strani Blizhnego Vostoka: problemi i perspektivi razvitiya* [Middle East countries: problems and possibilities of development], Moscow. 152 p.
- Vidyasova M., Gasanbekova T. (2013) *Dvulikiy yanus umerennogo islamizma* [Two-faced Janus of the moderate Islamism], Moscow. 140 p.
- Zinin Yu.N. (2012). "Arabskaya vesna" v povestke dnya ekspertnogo soobshchestva Rossii ["Arab Spring" in the agenda of the Russian expert community]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. No. 5.